

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-132-149

УДК 329

Ф.М. Фомичев

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
105066 г. Москва, Российская Федерация

Суть и границы немецких «новых правых»: к истории и историографии одного понятия

В данной статье впервые в отечественной гуманитарной науке затрагивается вопрос определения содержания и границ политического движения «новых правых» в ФРГ в целом и главного современного интеллектуального центра Institut für Staatspolitik в частности. Автор рассматривает основные направления немецкоязычной историографии и на основе трудов ее ключевых представителей формирует общую картину актуальных научных дискуссий. Отдельное внимание уделяется вопросу соотношения «новых правых» с такими более понятными и распространенными политическими категориями, как правый радикализм, правый экстремизм и консерватизм. Вводя в отечественное научное пространство уникальные первоисточники, автор ставит под вопрос объективность устоявшихся историографических схем. Данная статья призвана внести первичную терминологическую ясность в до того неизвестную российскому академическому сообществу тематику и послужить фундаментом для последующего цикла публикаций по этой теме.

© Фомичев Ф.М., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: немецкие «новые правые», Institut für Staatspolitik, консерватизм в ФРГ, правый радикализм в ФРГ, Армин Молер, Герд-Клаус Кальтенбруннер

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фомичев Ф.М. Суть и границы немецких «новых правых»: к истории и историографии одного понятия // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 4. С. 132–149. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-132-149

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-132-149

F.M. Fomichev

HSE University,
Moscow, 105066, Russian Federation

Sense and boundaries of the German “New Right”: History and historiography of one concept

This article raises for the first time in Russian humanity studies the question of defining the sense and boundaries of the “New Right” political movement in the Federal Republic of Germany in general and of their major contemporary intellectual centre – “Institut für Staatspolitik” in particular. The author reviews the key trends in the German-language historiography and, on the basis of works written by its leading representatives, forms an overall picture of the current scholarly debates. Special attention is paid to the issue of correlation of the “New Right” with such political categories as right-wing radicalism, right-wing extremism and conservatism. By introducing some unique primary sources into the Russian scholarly space, the author questions the objectivity of the established historiographical schemes. This article aims to provide primary terminological clarity on a subject heretofore unknown to the Russian academic community and to serve as the basis for further publications on this topic.

Key words: German “New Right”, Institut für Staatspolitik, conservatism in the Federal Republic of Germany, right-wing radicalism in the Federal Republic of Germany, Armin Mohler, Gerd-Klaus Kaltenbrunner

FOR CITATION: Fomichev F.M. Sense and boundaries of the German “New Right”: History and historiography of one concept. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 4. Pp. 132–149. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-4-132-149

В немецкой историографии на протяжении нескольких десятилетий существует по сей день актуальная дискуссия о том, как именно и в отношении кого справедливо использовать термин «новые правые»: где находятся его границы, как «новые правые» соотносятся с тем, что традиционно именуется правым радикализмом и экстремизмом, в конце концов, насколько гомогенно содержание этого собирательного понятия, ведь в немецкой историографии обычно термин «новые правые» употребляется в единственном числе (нем. *die Neue Rechte*). Полемика осложняется еще и тем, что авторы зачастую по-разному определяют ее непосредственный предмет, ввиду этого возникает потребность постоянного содержательного и контекстуального уточнения, поскольку под понятием «новые правые» могут подразумеваться разные люди, организации и идеи, которые исследователю следовало бы разделять и различать. Помимо этого, данное понятие нередко используется в политически ангажированных полемиках, которые изначально имеют чисто прикладные задачи. Остроты добавляет еще и тот факт, что в последние месяцы или даже годы четко фиксируется влияние определенных кругов правых интеллектуалов на положение дел в немецкой политике. Вместе с тем, именно на дискурсивном уровне, если и не предрешается исход политических баталий, то во многом обеспечивается весомая фора.

Как пишет один из наиболее значимых представителей современных немецких «новых правых» и ключевая фигура в организации их крупнейшего интеллектуального центра Institut für Staatspolitik (IfS) Карлхайнц Вайссманн, именно язык является средством управления и власти: «Кто господствует над определением понятий, тот господствует и над людьми. Поэтому спор о словах никогда не является просто лишь спором о словах – речь о том, кто будет обладать влиянием, наделяя слова значением»¹ [25, S. 7]. Вайссманн заключает, что контроль над языком является центральным фактором политической борьбы,

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

и иллюстрирует свой вывод цитатой Г. Шельски: «Суверен – это тот, кто определяет содержание понятий (положение вещей)» (нем. *Souverän ist, werden Sachverhalt definiert*) [25, S. 8], которую можно рассматривать в качестве полемической отсылки к знаменитому определению суверена К. Шмитта как того, кто принимает решение о чрезвычайном положении [5, с. 8].

Современная историография «новых правых» в ФРГ может быть подразделена на два основных направления. В качестве примера конституционно-демократического можно назвать таких «классиков», как А. Пфаль-Траугбер [19–23], Х. Келлерсхон [14; 15] и Р. Штёсс [27]². Эти авторы не могут не быть признаны политически ангажированными (первый тесно взаимодействует со Службой по защите конституции, второй и третий являются членами Социал-демократической партии Германии (СДПГ)), из чего проистекает нередкая односторонность повествования в их трудах, осознанное или же неосознанное выпячивание одних фактов на передний план и нивелирование или полное замалчивание других, излишне упрощающая схематичность. Примечательно, что в российском историографическом или же околонучном сегменте, испытывающем сочувствующий интерес к немецким «новым правым», чаще всего просто ретранслируется позиция Пфаль-Траугбера (буквально на основе его небольшой обзорной статьи [20]), которая, повторимся, мало чем отличается от официального нарратива немецких масс-медиа [4]³. В позитивном смысле выделяется, пусть и затрагивающая историю «новых правых» лишь до момента воссоединения Германии, работа К. Шенекэса, изданная в 1990 г. в общем сборнике, посвященном «новым правым» и правому экстремизму в Европе [13], а также относительно недавнее исследование К.-П. Хуфера, в котором при ограниченной полемике с устоявшимися историографическими оценками рассматривается развитие и современное состояние движения [12].

Самым известным представителем леволиберального крыла современной немецкой историографии, который обладает, вместе с тем, высочайшим уровнем медийной популярности, является историк и публицист Ф. Вайсс. Его работы [28; 29], выдержанные в стиле изложения, граничащем с научно-популярным, избегают проблемной постановки

² См. также: Stöss R. Die “Neue Rechte” in der Bundesrepublik. URL: <https://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtsextremismus/229981/die-neue-rechte-in-der-bundesrepublik> (Zugriffsdatum: 12.06.2023).

³ Тема «новых правых» (как французских, так и немецких, между которыми не делается практически никакой разницы) активно использовалась весьма неоднозначным философско-политологическим кружком А.Г. Дугина, в котором, выдавая желаемое за действительное и не углубляясь в тему, ироничным образом пересказывались клише современной немецкой либерально-демократической историографии.

вопросов, академической полемики и неудобных для своего стройного нарратива документов, а также отличаются большими по объему заимствованиями из работ других авторов, их компиляцией и значительным упрощением. В подобном же духе написано исследование политического журналиста Т. Пфайффера [24]. Отметим, что оба автора также активно предоставляют результаты своих трудов в Центральное управление по политическому воспитанию (нем. *Bundeszentrale für politische Bildung*) и в Службу по защите конституции.

Пфаль-Траугбер в целом ряде своих работ на протяжении трех десятилетий уделяет немалое место именно вопросам терминологии. Сначала немецкий политолог предлагает конкретизировать понятие экстремизма, противопоставляя его демократии и предпочитая, тем самым, негативное определение позитивному. Экстремизм любого толка есть, по его мнению, собирательный термин для обозначения идеологически очень разных взглядов и устремлений, объединенных неприятием базовых условий демократического конституционного государства, к которым относятся разделение властей, правовое государство, народный суверенитет, права человека и плюрализм [21, S. 17; 22, S. 18]. Из характерных для любого вида экстремизма позитивных черт автор выделяет следующие: претензию на абсолютность (однако возникает вопрос, не является ли это характерной чертой любой светской или квазирелигиозной политической идеологии, иначе говоря, как это именуется, например, Э. Джентиле [2], «политической религии?»), утопизм или же категорический отказ от утопии (что же остается вне подобной дихотомии, и не лишено ли вообще смысла указание такой черты?), догматизм, категоричность в определении друга/врага, склонность к теориям заговора, фанатизм, антиплюралистическое понимание политики и общества, склонность к авторитаризму. Вместе с тем, исследователь подчеркивает первостепенную значимость для правого экстремизма этнической идентичности и убежденности в человеческой неравноценности (нем. *menschliche Ungleichwertigkeit*), что противопоставляется им современной демократии и открытому обществу. Помимо этих двух уникальных для себя черт правый экстремизм характеризуется общими для любого экстремизма склонностями к политическому авторитаризму и тяге к максимально возможной гомогенизации общества [21, S. 18–23, 30–31].

Хуффер выражает умеренный скепсис по отношению к содержательному использованию термина «экстремизм» и особенно критикует уравнивание левого и правого лишь по наличию радикального неприятия современного либерально-демократического общества. По его мнению, левый экстремизм имеет своей целью «научно обоснованное»

освобождение человека от всякого рода привязанностей и зависимостей и опирается в этом устремлении на «объективный научный и социальный прогресс», т.е. укоренен в перманентном эмансипаторном порыве. Правый же экстремизм исходит из принципиально иных установок. Он оперирует иррациональными категориями бóльших или меньших этнических общностей, заключает Хуфер [12, S. 11–12]. Тем самым он наделяет неэтическую категорию этическими свойствами, настаивает на обусловленности Богом, судьбой или природой определенного вида общности, а также, что не менее важно, декларирует необходимость делегирования определения развития и его осуществления более или менее узкой элитарной группе или вовсе фигуре вождистского типа, а не совокупности автономных политических индивидуумов.

Пфаль-Траугбер выделяет четыре типа правого экстремизма: партийный (т.е. представленный в виде партийных структур), культурный (интеллектуальные центры, медиа, издательства), ориентированный на активистскую деятельность (неонацисты и идентаристы), субкультурный (наци-скинхеды) и террористический (боевые ячейки) [21, S. 4]. Следуя представленной выше типологии, современные немецкие «новые правые» в лице группы публицистов и политических активистов, сплотившихся вокруг IfS, при котором организовано издательство Antaios и журнал Sezession, должны быть отнесены к культурному типу.

Шёнекэс, описывая еще первое поколение «новых правых», справедливо отмечал неразборчивое многообразие в использовании этого термина. Во-первых, выражение «новые правые» изначально служило самоназванием разнообразных интеллектуальных кружков и активистских движений рубежа 1960–1970-х гг. и было синонимично «молодым правым» (к ним можно отнести, например, такие группы, как Junge sozialistische Rechte, National revolutionäre Rechte, National revolutionäre, Solidaristen и т.д.). В 1970–1980-е гг. в западногерманской историографии «новыми правыми» чаще всего обозначались только группы, идейно принадлежащие к национал-революционному движению с сильным влиянием радикального антикапитализма и рядом характерных для альтернативных левых черт. Антифашистские авторы и масс-медиа того времени использовали этот термин применительно к тем же, кого называли неофашистами, стирая, тем самым, любые грани между ними. Нередко это наименование применялось и к организованным в партийные структуры представителям т.н. «нового национализма» – Национал-демократической партии Германии (НДПГ) или «Республиканцам» (Die Republikaner) [13, S. 236–238].

Крайне важному с научной точки зрения, пусть и не столь выгодно-му с политической, отделению разных течений «новых правых» друг

от друга и их типологизации отводилось вторичное значение, в результате чего получалась картина абсолютно гомогенной политико-интеллектуальной среды. Вопреки утверждениям антифашистской и официальной литературы, никакой реальной связи между «новыми правыми» консервативного (круг Молера–Кальтенбруннера, как первое, и IfS, как его второе поколение) и ныне же фактически несуществующего национал-революционного толка никогда не было [10, S. 16–17].

Пфаль-Траугбер, описывая «новых правых» первой волны и эпоху поколенческого транзита в 1990-е г., перечисляет четыре наличествующих определения того, кого можно при разных оптиках именовать «новыми правыми». Во-первых, указанный термин применим в отношении партийных организаций по типу «Республиканцев». Согласно второй дефиниции, «новыми правыми» являются правоэкстремистские группы, противопоставляющие этатизму «старых правых» концепты национальной революции и «третьего пути» между капитализмом и коммунизмом. Третья группа, чье отличие от второй, по нашему мнению, не столь очевидно, состоит из представителей не относящегося к национал-социализму правого экстремизма, под которым подразумеваются ориентирующиеся на представителей «консервативной революции», крыло братьев Штрассер, фёлькиш-организации Веймарской республики. Четвертая позиция подводит к обозначению как «новых правых», по мнению исследователя, институционализированную партию национал-революционного толка – НДПГ [22, S. 154–156].

Кроме того, Пфаль-Траугбер пишет, что помещение современных ему «новых правых» между демократическим консерватизмом и правым экстремизмом неверно: исследователь настаивает на четком отнесении «новых правых» именно к последнему. При этом политолог оговаривается, что не все представители «новых правых» являются экстремистами. Так, под это стигматизирующее определение не попадает, например, национал-либеральное крыло Р. Цительмана, близкое на тот момент к позициям Свободной демократической партии (СвДП), потому что оно «в целом не ссылается на традицию консервативной революции» [Ibid, S. 20–23]. Разница между «демократическими правыми» и правыми экстремистами, у которых, впрочем, вполне могут быть общие идеалы, ценности и цели, состоит якобы в том, какой ответ дается на вопрос, допустимо ли принести в жертву ради достижения политических целей демократию и права человека, плюрализм и верховенство закона – отметим, что убежденность в верности этой формулы сохраняется у исследователя и по сей день. В работе последних лет Пфаль-Траугбер пишет, что отношение к фундаментальной для либерального общества концепции прав человека является главным маркером для определения того

или иного мнения как экстремистского – это касается как правых, так и левых [21, S. 23–31].

В этом же русле рассуждает О. Кистенмахер, отмечая также неоднозначность объединения людей и организаций под единым названием только лишь ввиду их личных или институциональных связей. Описывая современных «новых правых» (под ними Кистенмахером, как и нами, понимается в первую очередь IfS и связанные с ним люди, издательства, медиа и организации), исследователь отмечает, с одной стороны, возможность внутренних различий во взглядах для внешне монолитных объединений, а с другой – существование отдельных людей и групп, которым свойственны схожие с «новыми правыми» воззрения, но которые, однако, по той или иной причине никак институционально с ними не связаны [16, S. 9–10]. Это верное замечание справедливо еще и в том отношении, что подобный внутренний плюрализм мнений невозможно исключить при сетевой структуре организации. В том числе и по этой причине заключение Штёсса, согласно которому «новые правые» не представляют собой некое организованное и монолитное движение, но едины в «идеологически-программном» смысле, стоит принимать с большим количеством оговорок. Крайне сомнительным с научной точки зрения кажется его определение «новых правых» как теоретиков любых «крайне правых, независимо от того, являются ли они правыми экстремистами или правыми консерваторами (а также, но реже, национал-либералами)», которых объединяет неприятие либеральной демократии⁴. В подобных высказываниях прослеживается стремление приложить к «новым правым» как 1960–1980-х гг., так и к современным, хорошо исследованный и объясненный ландшафт «консервативной революции».

Вместе с тем, Пфаль-Траугбер признает наличие обоснованной, пусть и критикуемой им позиции, отделяющей «новых правых» от правого экстремизма и помещающей их между ним и консерватизмом. В. Гассенхартер предложил термин «шарнир» (между неоконсерватизмом 1980-х гг. и правым экстремизмом), т.к. «новые правые», хотя и не имеют непосредственных постоянных связей ни с экстремистами, ни с этиблированными консервативными силами, время от времени проявляют заинтересованность в контактах с обеими сторонами, обеспечивая, тем самым, постоянную возможность потенциального взаимодействия. Схожим образом определял «новых правых» целый ряд исследователей: С. Мантино, М. Веннер, П. Кесслер и др., именуя это

⁴ Stöss R. Die “Neue Rechte” in der Bundesrepublik. URL: <https://www.bpb.de/politik/extremismus/rechtsextremismus/229981/die-neue-rechte-in-der-bundesrepublik> (Zugriffsdatum: 12.06.2023).

интеллектуальное течение «серой зоной между национал-консерватизмом и правым экстремизмом» [22, S. 156–160]. Впрочем, обусловленность частого использования такого неопределенного термина может быть заключена и в том, что характеризовать каким-то одним термином целый ряд интеллектуалов, активистов и политиков представляется едва ли возможным в силу расплывчатости критериев и внутренней пестроты этого условно единого движения [11, S. 64].

В полемике с подобной позицией Пфаль-Траугбер предлагает свой достаточно сложно переводимый на русский язык термин для обозначения последнего феномена – *Brückenspektrum* (*Brücke* – ‘мост’, *Spektrum* – ‘спектр’). Под этой стратегией подразумевается осознанный процесс размывания демаркационных линий между демократическим консерватизмом и правым экстремизмом. Этот термин, по мнению политолога, предназначен для обозначения тех областей, в которых есть признаки какого-либо сотрудничества между представителями обоих лагерей [22, S. 160–161]. Таким образом, если метафоры «серой зоны» и «шарнира» подчеркивают некую идеологически промежуточную позицию между консерватизмом и правым экстремизмом, то образ моста, используемый Пфаль-Траугбером, призван указать на наличие непосредственного сотрудничества между представителями «новых правых» с обоими берегами правого политического спектра.

Во избежание одностороннего взгляда на проблему, дадим также слово самим современным «новым правым», что очень редко можно встретить в немецкой историографии, и обратимся к небольшой брошюре, выпущенной IfS еще в 2008 г., «Новые правые – суть и границы одного понятия». Там в полемике с устоявшимся историографическим представлением предлагается свое понимание причин возникновения, процесса развития и идейного содержания исследуемого нами течения политической мысли. Как отмечают авторы брошюры, явная незаинтересованность в дифференциации, прослеживаемая в большинстве академических работ, является не столько свидетельством отсутствия исследовательской проницательности, сколько наличием осознанной и политически обусловленной агитационной задачи [10, S. 5]. Эрик Ленерт (научный руководитель IfS) подчеркивает, что наименование «новые правые» является сегодня стигматизирующим и активно используется политическими оппонентами и Службой по защите конституции с целью их публичной дискредитации⁵.

⁵ Die Vielfalt rechten Denkens – Erik Lehnert im Gespräch mit Philipp Fomitschow (in drei Teilen). URL: <https://sezession.de/67809/die-ganze-vielfalt-rechten-denkens> (Zugriffsdatum: 12.06.2023).

Итак, всего в брошюре выделяется четыре типа интерпретации немецкой историографией феномена «новых правых» [10, S. 30–31]. Первой приводится т.н. «теория идентичности» (нем. *Identitätstheorie*), согласно которой никаких «новых правых» как отдельного феномена вовсе не существует, а то, что принято так именовать, является лишь переформулировкой занимаемых «старыми» или просто «правыми» экстремистских позиций. Следствием такой интерпретации становится полное стирание любых отличительных черт всего, что вообще можно назвать «правым» – «от скинхедов до буржуазного фельетона». Подобная позиция свойственна, прежде всего, представителям т.н. «антифа»-литературы. Вторая интерпретация – «теория агента» (нем. *Agententheorie*) – не имеет, по мнению составителей документа, принципиальных отличий от первой. В качестве примера представителей этого взгляда называются подходы Гассенхартера и Пфаль-Траугбера, которые исходят из мысли о существовании некоего тайного плана правой интеллигенции, стремящейся использовать для достижения своих целей всю широту правого спектра от уличного экстремизма до этаблированного парламентского консерватизма.

Следующим подходом, который признается настолько же несостоятельным, как и первые два, называется «теория преемственности» (нем. *Kontinuitätstheorie*), редуцирующая «новых правых» либо до реактуализации политического дискурса «консервативной революции»⁶, либо же до инкарнации французских «новых правых» (фр. *Nouvelle Droite*) на немецкий манер, с которыми у них в действительности различий в разы больше, чем сходств. Четвертая историографическая версия – «теория плюрализма» (нем. *Pluralitätstheorie*) – считается наиболее соответствующей действительности, пусть и не лишенной изъянов. Она так или иначе основывается на границах понятия, установленных еще на рубеже 1980–1990-х гг. исследователями У. Бакесом и Э. Йессе [9], которые определяют «новых правых» как интеллектуальные круги, модернизирующие фундаментальные установки «старых» [10, S. 31]. Взгляд Бакеса–Йессе признается в сути своей удачным, т.к. позволяет описывать историю развития правой политической мысли как процесс постоянного обновления старых позиций новыми с сохранением установок, признаваемых принципиальными. Это, в свою очередь, является серьезным контраргументом нередко встречавшемуся в 1990-е гг.

⁶ Антилиберальное интеллектуальное движение Веймарской республики, традиционно именуемое «консервативной революцией», декларировало радикальный разрыв со старым консерватизмом и «старыми правыми». Ввиду этого «теория преемственности» имеет принципиальное отличие от «теории идентичности», т.к. последняя не противопоставляет старой консервативной традиции и «консервативную революцию».

мнению, согласно которому правых в строгом смысле слова не существует, а есть лишь множество более или менее независимых условно и ситуативно правых политических течений [9].

Отдельного внимания не без язвительной критики удостоивается определение «новых правых» чиновниками из Службы по защите конституции, которое зачастую берут за терминологическую основу академические исследователи. Это определение по своему содержанию имеет большие сходства с «теорией идентичности» и «теорией агентов» и состоит из пяти якобы характерных для «новых правых» черт: претензия на интеллектуальность, обращение к антидемократическим теоретикам эпохи Веймарской республики (т.е. к «консервативной революции»), попытка влияния на общественный дискурс и переопределения содержания понятий (борьба за т.н. «культурную гегемонию» в духе теории итальянского коммунистического теоретика А. Грамши), стремление размывания границ между правоэкстремистскими и право-демократическими политическими силами, а также неформальная структура, выраженная в дискуссионных клубах и публицистических центрах [10, S. 32].

Авторы брошюры справедливо отмечают, что три из пяти пунктов – претензия на интеллектуальность, попытка влияния на общественный дискурс и неформальная структура – вовсе не являются сколько-нибудь отличительной чертой «новых правых», а характерны для представителей любой активной политической тенденции. Отметим, что борьба за дискурс законными и ненасильственными методами со стороны разных политических сил и является, собственно говоря, фундаментом публичной политики в современном демократическом обществе. В брошюре также оспаривается и столь расхожий и уже укоренившийся тезис о политической мысли «консервативной революции» как ориентире: «Не существует никакой преемственности между “консервативной революцией” и “новыми правыми” <...>. Если определенная рецепция была и есть, то она является лишь выборочной» [Ibid, S. 33]. Проблема взаимодействия и соотношения «новых правых» и «консервативной революции» является обширной темой и заслуживает самостоятельного подробного исследования, однако даже первичный анализ теоретических текстов и работ по истории политической мысли подтверждает выдвинутый выше тезис.

Помимо этого, в тексте отмечается, со ссылкой на одну из ранних статей К. Вайссманна [30], что политическая деятельность любой организации может приобретать как открыто-наступательный характер, так и характер «политической мимикрии», ввиду чего упреки в попытках «размывания границ» подобным образом также несостоятельны [10, S. 33–34].

Суммируя все сказанное в главе, посвященной непосредственно историографически принятым дефинициям «новых правых», отмечается, что данный термин умышленно используется в искаженном виде для доказательства якобы антиконституционного характера этих организаций и осуществления по отношению к ним цензуры, посредством чего создается унифицированный образ грозного врага, без которого не может существовать ни одна политическая общность и которого необходимо всеми средствами побороть или хотя бы изолировать от реального политического влияния [10, S. 36].

Отметим здесь в какой-то мере шмиттовскую логику рассуждения. Наличие врага – политического другого, являющего собой экзистенциальную опасность для конкретной «мы»-общности, представители интересов которой находятся у власти, – необходимо для существования текущего общественно-политического порядка и легитимации разнообразных (в т.ч. и насильственных) мер по его охранению. «Новые правые» не стремятся к отказу от этой дихотомии, которую в целом признают естественной для социальной природы человека, но требуют ее публичного признания и предлагают своим сторонникам определять как «врага» альтернативные внутренние и внешние группы.

Не меньший интерес представляет вопрос о том, в каком соотношении находятся термины «консерватизм» и «новые правые» в немецкой историографии и как на этот вопрос отвечают сами современные «новые правые». Историографически доминирует позиция разграничения этих двух политических течений. Как было показано выше, основные дискуссии ведутся вокруг того, как именно обозначить это разделение и в какой мере «новые правые» отличны от консервативного дискурса. Вместе с тем, тот же Пфаль-Траугбер в небольшом отступлении, посвященном консерватизму, который он трактует в мангеймовском духе [1, с. 7–12], пишет, что «новых правых», как и «консервативную революцию», в целом можно понимать как «экстремистские консервативные течения», которые в сегодняшнем контексте и понятиях, однако, должны быть определены как правоэкстремистские. В заключительной части той же работы исследователь заявляет, что «новые правые», как и «консервативная революция», принадлежат к «большой теории консерватизма», которая может, как и социализм, приобретать либо демократическую, либо экстремистскую ориентацию. Для двух вышеназванных течений было бы справедливо, по мнению политолога, последнее утверждение [22, S. 19–20, 232]. Хуфер в своем исследовании, напротив, склонен ситуативно сближать «новых правых» и консерватизм. Основные линии мировоззренческого родства ведут к теоретическому обновлению консерватизма Г.-К. Кальтенбруннером в 1970-е гг.,

а современное положение вещей позволяет определить «новых правых» как промежуточное звено между традиционным консерватизмом и «агрессивным правожстремизмом» с плавающими границами [12, S. 12–15, 130].

Редкая отсылка к трудам Кальтенбруннера в рассуждениях о соотношении «новых правых» и консерватизма имеет, по нашему мнению, ключевое значение. Австро-немецкий теоретик категорически настаивал во всех своих работах именно на термине «консерватизм» и не использовал понятие «новые правые» [3; 14]. Даже А. Молер, который, как считается, наоборот, предпочитал использовать второе наименование, дабы как-то более зримо отграничиться от либерально-буржуазного консерватизма своего времени, до определенного времени обращался к термину «консерватизм», понимая его в схожем с Кальтенбруннером ключе [18, S. 70–71]. Современные «новые правые» также относят Молера к этой политической традиции, делая акцент на его «особом положении» среди консерваторов (нем. *Sonderstellung unter den Konservativen*) [26, S. 149].

В теоретической брошюре «Ключевые понятия», выпущенной IfS, указывается на множественность возможных значений термина «консерватизм» [25, S. 88–89]. Распространенное утверждение о консерватизме как о реакции на Французскую революцию признается вовсе не бесспорным. Помимо него выделяются еще пять возможных интерпретаций. Во-первых, консерватизм как определенная психо-антропологическая расположенность человека, укрепляющаяся по мере взросления (трактовка, опять же, в духе одного из маннгеймовских определений [1, с. 9]). Другой взгляд признает консервативным то, что защищает порядок как таковой – вне зависимости от его содержания, однако тогда носителем консервативного мировоззрения могут «неожиданно стать и коммунисты» [25, S. 88]. Близким к последнему является консерватизм представителей правящего класса или группы, которые из личных властных соображений заинтересованы в сохранении status quo. Четвертым типом консервативной позиции называется конкретное и исторически обусловленное проявление консерватизма в рамках христианско-европейской традиции. Оно заключено в защите старого христианского сообщества (*Verteidigung der alten societas christiana*) перед вызовами времени и угрозами эрозии устоявшихся форм. Эта позиция претерпела ряд исторических метаморфоз, «пока с упадком поддерживающих его групп – прежде всего дворянства – от него не остались лишь ничего не значащие остатки» [25, S. 89].

Последняя и наиболее близкая авторам брошюры интерпретация консерватизма понимает его как течение Модерна, прошедшее наряду

со всеми остальными различные стадии развития и оторвавшееся со временем от изначально сильной привязки к корпоративным и религиозным основам, разработав на смену им новую консервативную парадигму (тут вслед за Кальтенбруннером [14, с. 44–47⁷] современные «новые правые» в качестве ее основы называют философскую антропологию). Подобная интерпретация, пусть и допускает определенную идейную преемственность (например, отклонение эгалитаризма и различного рода социальных утопий, признание важности институтов и исторической укорененности бытия человека), однако отличается в методе и содержании своей аргументации. Суть ее заключается в преодолении опыта гражданских религий XIX–XX вв. и в обращении к более традиционному, соотносённому при этом с современными реалиями: «[“Новые правые”], не впечатленные историческими изменениями, придерживаются мнения, что не позднее великого “разочарования в ожиданиях”⁸ в конце XIX столетия с обещаниями Просвещения, а, вместе с ними и с обещаниями социализма и либерализма, должно быть покончено, и они должны уступить место для другого – одинаково древнего и современного – более реалистичного взгляда на вещи» [25, S. 89].

Таким образом, современные немецкие «новые правые» все-таки склонны отождествлять себя с определенным типом консерватизма, а вовсе не избегают этого понятия и, тем более, не противопоставляют себя ему. В другом документе крыло «новых правых» вокруг IfS прямо называется сложно переводимым на русский язык термином *volkskonservative*, явно отсылающим к консервативному самоопределению [10, S. 30]. Эрик Ленерт в ходе нашей беседы отдельно объяснил свой взгляд на соотношение понятий «консерватизм» и «новые правые». По его мнению, проблема консерватизма как понятия в послевоенные годы была сформулирована еще Эрнстом Юнгером в его знаменитом эссе «Ривароль»⁹, где немецкий философ продемонстрировал амбивалентность использования термина «консерватизм», т.к., с одной стороны, его проблематичность проистекает из крайней неопределенности

⁷ По русскому изданию.

⁸ *Erwartungsenttäuschung* – термин немецкого философа и историка Г. Люббе.

⁹ «Выражение “консерватор” не принадлежит к числу удачных словообразований. Оно соотносит человеческие характеры со временем и ограничивает волю человека стремлением удержать отживающие формы и состояния. Но тот, кто еще хочет что-либо сохранить, сегодня заведомо слабейший. А потому мы поступим правильно, если попытаемся вырвать это слово из рамок традиции. Речь идет скорее о стремлении найти или вернуть то, что всегда лежало и будет лежать в основе всякого жизнеспособного порядка. Но такая основа есть нечто, лежащее вне времени, к чему нельзя прийти, ни отступая назад, ни продвигаясь вперед. Все общественные движения лишь вьются вокруг нее. Меняются только их названия и используемые средства» [7, с. 145–146].

границ, а с другой – от него невозможно отказаться за неимением какого-либо лучшего обозначения: «перед этой проблемой все так же стоим и мы, когда задаемся вопросом [соотношения] “консервативного” и “новых правых”»¹⁰. Термин «новые правые» служит еще и для того, чтобы подчеркнуть отсутствие какой-либо преемственности со «старыми»: «сегодня трон и алтарь больше не могут иметь никакого [политического] значения»¹¹. В целях конкретизации Ленерт предпочитает при использовании этого понятия в отношении современных немецких «новых правых» употреблять словосочетания «право-» или «национал-консервативный»¹².

Столкнувшись с этими терминологическими трудностями, Молер в условиях публичной активности предпочел обратиться к другому самообозначению, т.к. именуемые консервативными политические партии ФРГ в 1950–1960-е гг. были основой либерально-капиталистической демократии, которая его категорически не устраивала. Помимо желания отгородиться от эстаблированного консерватизма, швейцарский публицист использовал термин «новые правые» с целью отмежевания и даже противопоставления национал-социализму, который в свое время также риторически противопоставлял себя «старым правым». На отдаление от термина «консерватизм» в случае Молера повлияло и его критическое отношение к христианству¹³, и тогдашняя политическая конъюнктура – после падения с политического Олимпа своего кумира Ш. де Голля, Молер перенес внимание на «Национальный фронт» Ж.-М. Ле Пена, предлагая более националистический вариант дальнейшего развития движения [29, S. 62–63]. В начале 1970-х гг. прекратились и попытки взаимодействия с лидером Христианско-социального союза (ХСС) Ф.-Й. Штраусом, на которого Молер возлагал ранее большие надежды. «Новые правые» перешли к активной критике политики ХДС/ХСС, когда партии приняли либерально-демократический вариант консерватизма и заблокировали все потенциальные варианты его трансформации [6, с. 201]. Именно тогда Молер окончательно предпочел термин «правые»: «Слово “консервативный” для меня слишком рыхло и размыто, когда я представляю себе правого, это значит, что у меня ничего не ассоциируется с либерализмом, и я считаю его настоящим врагом» [цит. по: 6, с. 202]. В интервью 1989 г. он также заявил:

¹⁰ Die Vielfalt rechten Denkens – Erik Lehnert im Gespräch mit Filipp Fomitschow (in drei Teilen). URL: <https://sezession.de/67809/die-ganze-vielfalt-rechten-denkens> (Zugriffsdatum: 12.06.2023).

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

«Мне не нравится слово “консервативный”. Мне куда ближе “правый”. <...> Все хотят что-то законсервировать. Правые же не могут вообще ничего консервировать. Потому что все, что сейчас есть, не особенно радует. Речь идет о создании, воссоздании условий, которые стоит сохранить, как сказал А. Мёллер ван ден Брук. А то, что есть сейчас, действительно не стоит сохранения» [17, S. 84–85].

Отметим при этом, что главный теоретик немецких «новых правых» – Кальтенбруннер, который также занял весьма критичную позицию по отношению к современному ему этаблированному консерватизму, все-таки предпочел остаться при старом понятии, интенсифицировав работу с его определением и содержанием, возможностями адаптации для политического использования и создав своим трудом обновленный консервативный канон. Вместе с тем он отмечал, что его проект «реконструкции консерватизма» может расцениваться как одна из форм «новых правых». Заданный Г.-К. Кальтенбруннером импульс переосмысления консерватизма и тот формат, в котором оно проводилось, определили рамки для современных «новых правых» из интеллектуального центра IfS и направление всех последующих интенций, а также создали теоретическую основу одного из видов современного немецкого консерватизма.

Библиографический список / References

1. Григоров Е.В. Консерватизм в социально-философской интерпретации К. Мангейма: истоки проблем дефиниции // *Философия права*. 2016. № 1 (74). С. 7–12. [Grigorov E.V. Conservatism in socio-philosophical interpretation of K. Mannheim: The origins of definitional problems. *Filosofiya prava*. 2016. No. 1 (74). Pp. 7–12. (In Rus.)]
2. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом / Пер. с ит. Ф. Станжевского. СПб., 2021. [Gentile E. *Politicheskie religii. Mezhdudemokratiej i totalitarizmom* [Le religioni della politica]. Transl. from Italian by F. Stanjevsky. St. Petersburg, 2021.]
3. Ким Ф.С. «Просвещенный консерватизм» Г.-К. Кальтенбруннера. М., 2010. [Kim F.S. «*Prosveshennyj konservatizm*» G.-K. Kaltenbrunnera [“Enlightened conservatism” by G.-K. Kaltenbrunner]. Moscow, 2010.]
4. Пфаль-Траугбер А. Новые правые во Франции и Германии / Пер. А. Игнатьева // Четвертая Политическая Теория: Материалы семинаров и конференций по политологии и политике в современном мире. Вып. 2 / Под ред. А.Г. Дугина; Ред.-сост. Н. Сперанская, А. Сидоренко. М., 2011. С. 202–216. [Pfahl-Traughber A. *Neue Rechte in Frankreich und Deutschland*. Transl. into Russian by A. Ignatiev. *Chetvertaya Politicheskaya Teoriya: Materialy seminarov i konferencij po politologii i politike v sovremennom mire*. A.G. Dugin (ed.). Moscow, 2011. Pp. 202–216. (In Rus.)]

5. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб., 2016. [Schmitt C. Pomyatie politicheskogo [Der Begriff des Politische]. Transl. from German ed. by A.F. Filippov. St. Petersburg, 2016.]
6. Штебер М. «1968» как год консерваторов, или Разделение мнений. Либеральный консерватизм и «новые правые» // Исторические исследования. 2016. № 5. С. 194–207. [Steber M. “1968” as the year of conservatives, or The divide of opinion. Liberal conservatism and the “New Right”. *History Studies*. 2016. No. 5. Pp. 194–207. (In Rus.)]
7. Юнгер Э. Ривароль / Пер. с нем. Д. Кузицына. СПб., 2000. [Jünger E. Rivarol. Transl. from German by D. Kuzicyn. St. Petersburg, 2000.]
8. Backes U., Jesse E. Politischer Extremismus in der Bundesrepublik. Berlin, 1993.
9. Breuer S. Ideologische Familien der deutschen Rechten. *Kursbuch*. 1998. No. 134. S. 66–78.
10. Die “Neue Rechte”. Sinn und Grenze eines Begriffs. Hrsg. von Institut für Staatspolitik. Zweite Auflage, Schnellroda, 2008.
11. Finkbeiner F. Nationale Hoffnung und konservative Enttäuschung. Göttingen, 2020.
12. Hufer K.-P. Neue Rechte, altes Denken: Ideologie, Kernbegriffe und Vordenker. Basel, 2018.
13. Jaschke H.-G., Schönekas K. Neue Rechte Rechte und Rechtsextremismus in Europa. Bundesrepublik, Frankreich, Großbritannien. Opladen, 1990.
14. Kaltenbrunner G.-K. Der schwierige Konservatismus. Definition, Theorien, Porträts. Berlin, 1975. // Кальтенбруннер Г.-К. Трудный консерватизм. Определения, теории, портреты / Пер. с нем. А.М. Иванова. М., 2020.
15. Kellershohn H. Das Institut für Staatspolitik und das jungkonservative Hegemonieprojekt. Strategien der extremen Rechten. Hrsg. von S. Braun, A. Geisler, M. Gerster. URL: https://studlib.de/460/politik/institut_staatspolitik_jungkonservative_hegemonieprojekt#540 (Zugriffsdatum: 20.06.2023).
16. Kistenmacher O. Ausgesprochen unausgesprochen. Latenter Antisemitismus und Erinnerungsabwehr innerhalb der Neuen Rechten. Hrsg. F. Kaufmann, L. Sierts. Hamburg, 2021.
17. Mohler A. Das Gespräch. Über Linke, Rechte und Langweiler. Dresden, 2001.
18. Mohler A. Was heißt schon “reaktionär”? *Was ist reaktionär? Zur Dialektik von Fortschritt und Rückschritt. INITIATIVE № 14*. Hrsg. G.-K. Kaltenbrunner. Freiburg im Breisgau, 1976. S. 68–72.
19. Pfahl-Traughber A. Der Extremismus der Neuen Rechten. Eine Analyse zu Diskursthemen und Positionen. Wiesbaden, 2019.
20. Pfahl-Traughber A. Die “Neue Rechte” in Frankreich und Deutschland: Zur Entwicklung einer rechtsextremistischen Intellektuellenszene. URL: <https://web.archive.org/web/20091211072619/http://www.polwiss.fu-berlin.de/fsi/bernie/rtraughber.htm> (Zugriffsdatum: 20.06.2023).
21. Pfahl-Traughber A. Die AfD und der Rechtsextremismus. Eine Analyse aus politikwissenschaftlicher Perspektive. Wiesbaden, 2019.
22. Pfahl-Traughber A. Konservative Revolution und Neue Rechte. Rechtsextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Verfassungsstaat. Opladen, 1998.

23. Pfahl-Traughber A. Rechtsextremismus in Deutschland. Eine kritische Bestandsaufnahme. Wiesbaden, 2019.
24. Pfeiffer T. Die Neue Rechte in Deutschland. Wiesbaden, 2004.
25. Staatspolitisches Handbuch № 1: Leitbegriffe. Hrsg. E. Lehnert, K. Weißmann. Zweite Auflage. Schnellroda, 2018.
26. Staatspolitisches Handbuch № 3: Vordenker. Hrsg. E. Lehnert, K. Weißmann. Zweite Auflage. Schnellroda, 2017.
27. Stöss R. Rechtsextremismus im vereinten Deutschland. Berlin, 2000.
28. Weiß V. Deutschlands Neue Rechte: Angriff der Eliten – von Spengler bis Sarrazin. Paderborn, 2011.
29. Weiß V. Die autoritäre Revolte. Die Neue Rechte und der Untergang des Abendlandes. Stuttgart, 2018.
30. Weißmann K. Neokonservatismus in der Bundesrepublik? *Criticón*. 1986. № 96. S. 176–179.

Статья поступила в редакцию 24.06.2023, принята к публикации 06.08.2023
The article was received on 24.06.2023, accepted for publication 06.08.2023

Об авторе / About the author

Фомичев Филипп Михайлович – аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики, г. Москва

Filipp M. Fomichev – PhD Student at the School of Philosophy and Cultural Studies of the Faculty of Humanities, HSE University, Moscow, Russian Federation

E-mail: philip.fomichev@gmail.com